

Карикатуры США и революция в России: ноябрь-декабрь 1917 г.*

С. О. Буранок¹, А. В. Соколова²

¹доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²магистрант исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: sokolova.a@sgspsu.ru

Аннотация. Статья посвящена такой проблеме, как формирование образа революции в России в американских карикатурах. Проанализированы несколько основных образов, использованных журналистами того времени для выстраивания в умах американских читателей определенных представлений о России. Рубежным моментом в формировании представлений о России стал пик голода, когда вместе с уже сформировавшимися образами начал активно выстраиваться новый образ – образ жертвы. Изучено, на каком материале развивается и закрепляется новый образ. На примере тяжелой ситуации в Советской России американская пресса завуалированно показывает достоинства американского образа жизни и политической системы, вместе с тем подробно рассказывая о помощи США далекой стране. В этот период укрепляется положительное представление американцев о самих себе, то есть закрепляется роль России как конституирующего «Другого». Вопросы о перспективах «большевистской опасности» после Великой войны, формах и путях ее перехода в послевоенный век, о внешней политике США в Европе были очень популярными и довольно дискуссионными для американского общественного мнения во время Первой мировой войны и межвоенного периода. Итоги анализа прессы показывают изменение приоритета в изображении «большевистской опасности» в американском общественном дискурсе в 1917–1918 гг. Исследования «образной» проблематики в условиях конца Первой мировой войны невозможны без привлечения прессы стран-участников. Изучение прессы США даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах в международных отношениях в условиях трансформации миропорядка после Первой мировой войны. Анализ прессы показал, что в течение 1917–1918 г. в американском общественном дискурсе происходила смена приоритетных подходов к образу России.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, революция, большевики.

Теме Русской революции 1917 года посвящено большое количество трудов как в российской, так и в мировой историографии. В них очень тщательно изучен ход и характер революционных событий, особенности функционирования партийных, военных и государственных структур в 1917 году, роль различных социальных групп населения и многие иные вопросы. Однако пока остаются и малоизученные сюжеты истории революции 1917 года, одним из которых является ее восприятие союзниками СССР через карикатуры. Проблема преломления образа революции через комическое поможет не только выявить дополнительные детали образа самой революции, образа России, но и более точно понять роль карикатур в изображении «Другого» в период кризисов и конфликтов.

Значимость исследования этого сюжета заключается не только в расширении научных знаний по истории Русской революции, но и в конкретизации образа «Русского Другого», сформировавшегося у американцев в 1917 году. На примере карикатур о революции представляется возможным выявить как традиционные, общие черты оценок кризисных событий русской истории, свойственные общественности США, так и уникальные, характерные только для 1917 года. Разработка данной темы позволит более точно понять особенности представлений американцев о России времен революции.

Изучение американской карикатуристики имеет давние традиции, особенно в темах, касающихся международных отношений. Анализ карикатур позволяет более точно понять не только общественные настроения, но и ключевые детали образов «Другого» (в данном случае – России), которые, в силу своей эмоциональной окрашенности, не всегда могут быть представлены в текстуальных СМИ. Кроме того, при анализе американских карикатур 1917 года можно

определить их место и роль в информационной политике США; уточнить, какие мифы и стереотипы актуализировались карикатуристами, а какие – создавались заново; сравнить образ революции, формируемый текстами, с образом революции, формируемым карикатурами.

Карикатуры о Русской революции 1917 г. имеют несколько особенностей: 1) оперативность появления карикатур. Художники, как и все общество, мгновенно осознали не просто сенсационность события, но и его глобальное, историческое значение. Поэтому первые материалы появились очень рано – уже весной 1917 года; 2) большое разнообразие созданных единовременно или за короткий отрезок времени (с осени-зимы 1917 г.) карикатур позволяет провести анализ эволюции оценок революции; 3) пересечение в одних работах художников и «ментальной географии», и «воображаемого общества», и образов «Свой\Чужой».

Классифицировать карикатуры США о Русской революции можно по хронологии, по авторству, по географическому признаку. Причем интересные выводы может дать как анализ эволюции карикатур в одной газете, так и сравнительный анализ нескольких изданий за определенный период. Важно отметить, что далеко не все периодические издания США в период 1917 г. публиковали карикатуры о Русской революции (и какие-либо другие карикатуры тоже). Так, ежедневные газеты «Lewiston Morning Tribune», «Lodi News-Sentinel», «Evening Independent», «Gettysburg Times», относящиеся к прессе средних городов, карикатур не напечатали.

Многие редакционные карикатуристы и независимые художники, наоборот, почти на каждое событие Русской революции создавали комический образ. Причин этому несколько. В условиях социально-экономических перемен, происходящих в России в начале XX века, особую актуальность приобрели средства иллюстрирования существующих в обществе настроений, стереотипов и мифов. Карикатуры становятся мощным средством воздействия и пропаганды, усиливая визуальный эффект и задавая «нужное» настроение прочитанного текста.

Политическая карикатура – это иллюстрация существовавших в обществе настроений, предрассудков и стереотипов, без чего визуальные тексты не могли быть прочитаны и поняты аудиторией, и механизм конструирования новых общественных предпочтений и мифов, что превращает карикатуру в мощное пропагандистское оружие [2, с. 198].

Социокультурный контекст американского общества-наблюдателя был связан как с внутривнутриполитическими, так и с внешнеполитическими проблемами. Отсталость России в связи с революцией стала рассматриваться как перспектива демократизации страны. Поэтому представляла широкий интерес для Америки и создавала предпосылки для поддержки.

Однако, когда очередная русская революция превращалась в революцию по-русски, когда терпели крах их политические, религиозные и экономические амбиции, в американском обществе происходил отказ от романтического образа русского народа и на первое место выходили рассуждения о раблепных восточных людях, невежественных и неспособных пользоваться свободой [1, с. 88].

Так, в 1917 году появляется множество карикатур в прессе США на тему русской революции.

Карикатуристы улавливали изменения в настроении и создавали запоминающиеся образы. Их условно можно разделить на 3 группы.

1. Демонический образ.
2. Романтический образ.
3. Наивно-оскорбительный.

Необходимо подчеркнуть, что каждый из указанных образов развивался параллельно с другими. И редакции периодических изданий США в 1917 году данные образы (в зависимости от редакционной политики и реакции общественности на события в России) переплетались и комбинировались. Тем не менее в каждом из выделенных нами образов можно обнаружить наиболее характерные карикатуры, показывающие ключевые элементы каждого образа. В США в 1917 году применительно к Русской революции самым востребованным и часто используемым образом был наивно-оскорбительный.

Одну из самых необычных, но одновременно и образных работ создал известный художник Дж. Дарлинг, где сама революция представлена как фон, а сюжет рисунка олицетворяет состояние России после революции.

На первом плане мы видим новорожденного теленка – худого и истощенного, а на его шее красуется бирка «Новый русский либерализм». Беспомощный, испуганный и молодой – именно так видит новый режим американская пресса. Теленок связан по «по рукам и ногам» –

копытам. Тут снова нам намекают на беспомощность власти. Теленок подвешен над пропастью, образ пропасти символизирует падение России, а разрушенный забор намекает на то, что она сама в этом виновата, так как упала сама. Всю тяжесть этого теленка держит на себе Керенский [4]. Именно от него, как от главы временного правительства, зависит судьба новой страны. В пропасть падает и ведро, как бы намекая, что скоро туда скатится и он сам. Необычен на этом рисунке вариант зооморфного образа России, который в США традиционно в начале XX века был представлен медведем. Дарлинг использует маленького теленка, стремясь тем самым подчеркнуть резкое различие между старой императорской Россией и новой революционной. Большевицкая угроза показана им в очень абстрактном виде – как пропасть, куда неминуемо должен свалиться неопытный теленок.

Были варианты карикатур и с использованием традиционного образа медведя. Другой известный художник Кассель выбрал в 1917 году именно классический образ медведя для характеристики России. Он был разъяренным, грозным и пугающим. Но не в этот раз. Кассель изображает медведя (то есть Россию) жалким и глупым. Перед ним на столе стоит два блюда с надписью «трезвые решения» и «здравый смысл», но медведь их игнорирует, отвернувшись в другую сторону [11, р. 3]. При этом из его пасти капает слюна, намекая на то, что он голоден, жаждет пищи, но вот какой... Этим подчеркивался старый тезис о «русском варварстве», «политической беспомощности», «дикости». Кассель актуализировал через такой образ одну из наиболее популярных идей американской общественности: при всей очевидности «перестройки России по демократическому пути» она выберет «тиранию».

Еще одна часто встречающаяся проблема, отраженная в карикатурах первого образа с зооморфным содержанием, – это скорый выход России из войны. На карикатуре в издании «Youngstown Vindicator» мы видим скунса, он подписан как «Немецкий мир», и его хочет погладить все тот же русский мужик с бородой и в рубахе с надписью «Русские идеалисты». Только он не знает о том, что это за животное скунс, и думает, что это «Хорошая киса». Карикатура высмеивает действия России и подписание мира с Германией, намекая на то, что самое худшее – еще впереди [14, р. 6]. Снова идет отсылка к гражданской войне и политической близорукости «русских идеалистов» – так наиболее часто в прессе США называли большевиков.

Однако в период осени 1917 года в наивно-оскорбительном образе более востребованными были не зооморфные черты изображения России, а антропоморфные.

На карикатуре Россия изображена в своем привычном образе длинноволосого и бородатого мужика в сапогах и рубахе. Он вмешивается в перепалку Германии и Австрии, которые избивают маленькую Сербию. Та кричит о помощи, призывая другие страны помочь. Россия влезла в дела европейских стран, а потом трусливо убежала, призывая. «Русский мужик» изображен глупым и трусливым, именно такой образ начинает формироваться в прессе, намекая на несостоятельность власти. Кроме того, данный рисунок настраивал общественность США против идеи «спасения России», так как показывал, что «Россия сама виновата в своих бедах» [13, р. 1].

Карикатура Касселя этого же периода также изображает тему возможного сепаратного мира с Германией. На рисунке изображен русский солдат, уже без традиционной бороды (ее отсутствие символизировало начало перемен в русском обществе), но с усами, на европейский манер. На его рубахе написано «большевики», а руки трусливо подняты вверх ладонями, что означает признание поражения. В этот момент на мужика наступает немецкий сапог с шипами. Россия лишена не только гордости, но и достижений в войне [8, р. 5]. Здесь в очень эмоциональной манере представлены страхи американского общества о возможном выходе России из войны, что, по мнению художника, приведет в первую очередь к гибели самой России.

Еще один характерный момент данной карикатуры – сама по себе «большевицкая угроза» не является самостоятельной силой, больше Америку пугает усиление Германии – как следствие революции 1917 года.

Тему невыгодного будущего сепаратного мира с Германией Дж. Кассель продолжит. В декабре 1917 года в свет выходит еще одна карикатура, посвященная этой тематике.

Русский мужик стоит в окопах, в виде немецких шлемов. Тут он изображен также на современный манер, без бороды и с усами. Германия предоставила жесткие условия – сдача Польши, Финляндии, Прибалтики, Молдавии, Восточной Галиции и Армении. Россия, соглашаясь с этими условиями, добровольно надела на себя немецкие кандалы [7, р. 2].

В других карикатурах осени-зимы 1917 года Дж. Кассель пытался воздействовать на различные эмоции американцев, поднимая тему не только «безволия России», «позорного

перемирия с Германией», но и предательства: на одном из рисунков русский солдат уходит с фронта целый и невредимый, с оружием в руках. Присутствие ружья у солдата, покидающего фронт, намекает на скорую гражданскую войну. Бросает в окопе раненую Бельгию – страны, первой испытавшей на себе силу агрессии Германии в 1914 году.

Символично не только выражение лица русского мужика – недовольное и напряженное, без капли сочувствия, жалости или стыда. Но и его поза. Одна рука в кармане, а другая повисла над ружьем, словно снова готова взяться за оружие. Подобная карикатура – предчувствие гражданской войны в России, так как солдаты, покинувшие фронт, по мнению Касселя, еще в большей степени дестабилизируют ситуацию в России [12, р. 3].

Пресса США не верила, что Россия может добровольно отказаться от всех своих побед, и искала причины. Одной из таких стала тема спланированного Германией выхода из войны России.

Русский мужик схватился за голову, держа в руках подарок – кирпич с надписью «мир» с одной стороны, а с другой – «золотой кирпич». Тут же на столе виднеется записка «от Кайзера». Как раз данная карикатура отражает мысль, что мир большевиков был подготовлен в Германии и что выход России из Первой мировой войны был спланирован Кайзером [9, р. 3]. Художник таким образом подчеркивал, что Россия не самостоятельна, а власть лишь формальна, тут прямой намек на несостоятельность большевиков и нового режима.

Рассмотрев карикатуры с наивно-оскорбительным образом, можно сделать следующие выводы:

1. Этот образ эксплуатировался для демонстрации несамостоятельной России и пропаганды идеи – революция в России либо спланирована в Германии, либо является следствием варварства и дикости русского народа.

2. Также было неминуемо сравнение со своей американской революцией. Которой был в начале XX века в США свойствен уже патриотическо-романтический образ. Он использовался для формирования «Я-концепции» американской нации как родоначальника образцовой революции.

3. Америку явно раздражал тот факт, что Россия пошла не по ее образцовому пути. И не желала у нее учиться.

Второй из выделенных нами образ Русской революции романтический. Романтический образ в прессе был призван настроить общество на помощь России. Призыв нового «крестового похода в Россию» и «спасения России» был достаточно популярным. Если ранее «русского мужика» было принято выставлять «мрачным, неопрятным, с длинной бородой и в крестьянской рубашке», то на карикатуре Дж. Дарлина осенью 1917 года мы видим совершенно противоположную картину. Новая Россия, освобожденная от царизма, в лице крестьянина уже не такая страшная. Она засучила рукава и победила этот гнет. И теперь имеет более европейский облик благодаря аккуратной стрижке и усам вместо бороды. «Растрепанный» царизм – сломленный и потерпевший поражение – оказался у ног своего народа, символично уронившего скипетр и державу в грязь. Дарлинг на рисунке подчеркивает, что старая Россия и монархия пала; «русский мужик» готов биться за свою свободу дальше. Однако на его карикатуре есть тревожный момент (который беспокоил почти всех американцев) – это возможное вмешательство Германии в русские дела. На данном рисунке это представлено в виде кайзера Вильгельма II, который перепрыгивает линию фронта (изображена в виде забора) и намерен помешать «русской свободе». Поэтому Россию нужно спасать не только от русских, но и от немцев [4].

В «Chicago Tribune» в ноябре 1917 года напечатана карикатура, где соединяются абстрактные и зооморфные образы: революция обрушилась на Россию со скоростью молнии. Мировая общественность, в частности Америка, не ожидала столь скорого развития событий. Эти мысли нашли отражение на карикатуре. Изображение очеловечено миром, у которого кругом пошла голова от революции в России, случившейся за месяц. Столь скорые события обусловили еще один образ – безумного медведя, бегущего в колесе с надписью «революция». У медведя нет выхода из колеса под названием «Революция» – такая реакция «Chicago Tribune» на вторую за год революцию в России.

Достаточно уникальный образ Русской революции, даже в рамках «романтического направления», создал Дж. Кассель 15 декабря 1917 года. В 1917 году на фронте массовое распространение получило братание – стихийное прекращение вражды. Кассель изобразил русского и австрийского солдата, уставших от войны и немецкой пропаганды. Они сложили оружие и вместе, как братские народы, грезят о свободе. Тут Россия выступает в роли учителя и наставника. Обычно в карикатурах этого периода все наоборот – «бородатая» Россия нуждается

в наставлениях, а здесь нет. Этот образ – сенсация в формировании образа России [6, р. 4]. Как видно, даже один художник (как пример Дж. Кассель) в течение нескольких дней в 1917 году мог создать совершенно разные, даже противоположные образы революции: от «большевистской угрозы», опасной всему миру, до нового «наставника свободы» для европейских народов.

Очень похожий мотив содержится в рисунке Дарлинга от 1917 года. Данная карикатура показывает надежды американского общества на то, что после русской революции начнется падение других европейских монархий. Народы Австро-Венгрии и Германии к этому готовы. Поэтому Кайзер в панике оттаскивает народ от забора, который с интересом наблюдает за ситуацией в России [4].

Актуализировался в рамках романтических представлений художников о России и образ Керенского в прессе, который до последнего соответствовал «рыцарю русской революции». Именно на него возлагались надежды как на творца новой свободной России. С ним были связаны надежды на то, что он приведет Россию к рассвету, выведя ее из хаоса анархии и социализма. Потому что он последний, кто мог спасти невежественную и глупую Россию, которую тут олицетворяет медведь [10, р. 4].

К ноябрю 1917 года у американцев еще была вера в то, что «борьба за свободу и демократию» в России еще не проиграна. Стремление к романтизации революции в России и осознание своей причастности к этому обновлению становится важным аспектом внешней политики США. Романтический образ русского народа в лице огромного, сильного и красивого мужчины, разрывающего оковы политического рабства, становится основополагающим образом в прессе [4]. Обуславливает этот образ и желание продолжить крестовый поход, направленный на распространение демократии. Поэтому одной из важнейших задач становится ускорение в формировании общественного мнения о помощи России.

Изучение карикатур с романтическим образом Русской революции позволяет сделать следующие выводы:

1. Этот образ использовался для формирования общественного мнения о помощи России, встать на демократические рельсы и проследовать по пути американской революции.
2. Образ России и русского народа трансформируется из бородатого, неуклюжего мужика в мужчину европейской наружности, образованного и жаждущего новых демократических ценностей. Появляется сенсационный образ России думающей, которая смотрит в сторону запада.
3. При всей романтизации образа пресса не отказывается от главного визуального маркера – медведя. Но тут его не используют для дегуманизации образа чужой России. Главной задачей становится показать несостоятельность действий власти и разделить понятия «власть правителей» и «демократия народа».

Демонический образ Русской революции актуализировался в США в 1917 году теми же визуальными способами и стереотипами восприятия. Одной из главных задач администрации Вильсона было удержать Россию в войне. Надежду на это давало только Временное правительство. В 1917 году, после Февральской революции, сенатор Элай Рут был отправлен в Россию с задачей поддержать Временное правительство и «выразить уверенную надежду, что русский народ развивает политическую систему, основанную на демократии». Однако ожидания не оправдались. Этот сюжет изобразил Дж. Дарлинг: Комиссия Рута и Дядюшка Сэм разочаровываются в своих стремлениях помочь России, видя, что она упивается анархией (в буквальном смысле), а за спиной стоит кайзер. Россия представлена в образе разбушевавшегося мужика, размахивающего кулаками и бутылкой. Американцы, разочарованные в увиденном, решают не спешить с помощью и принять выжидающую позицию [4].

Другой известный художник Клиффорд Берримен весной 1917 года публикует рисунок: образ Дяди Сэма как персонифицированный образ Соединенных Штатов Америки стал популярен в период Первой мировой войны. Он олицетворял комичный образ американского правительства, которое, в свою очередь, стремилось помочь российской революции и надеялось на ее демократические устремления. Но надежды не оправдались. Дядя Сэм, который долго видел в России жертву – маленького медвежонка, нуждающегося в помощи, – на самом деле оказался подделкой – большим, страшным и глупым большевистским медведем. Он держит в лапах поддельные деньги, их же случайно уронил Дядя Сэм, отрицая этим всякую помощь России [5].

Администрация Вильсона переходит в выжидающую позицию и решает не вмешиваться в дела России, так как отмывание от революционной заразы еще не произошло. Весьма характерно, что «отмыванием» большевиков занят сам земной шар (в несколько антропоморфном изображении), который уже «отмыл» царизм, и теперь дело за революционерами – Троцким и Лениным [4].

Тема революционных лидеров поднималась в карикатурах США сразу после Октябрьской революции, когда отношение к большевикам было критическим. Его демонстрирует работа Джона Маккатчеона в «Chicago Tribune» от 9 ноября: на пьедестале с подписью «Россия» изображен революционер, размахивающий флагами. Вокруг постаamenta лежат сброшенные фигуры царя и Керенского. Причем на революционере написано «хаос», а рядом уже присутствует казак, готовый замахнуть шашкой. И самое важное: за спиной революционера ждут его свержения большие массы самых различных политических сил [3, р. 1]. Такая работа отражала общий настрой общественности США, что большевики – явление временное, такое же нестабильное, как и прошлая власть в России. В прессе была развернута кампания по дискредитации власти большевиков.

Другие настроения граждан США передавались в работах Джея Дарлинга, который в ноябре 1917 года представил свой взгляд на Октябрьскую революцию: Троцкий и Ленин изображены в виде парикмахеров, которые «революционными ножницами» изуродовали Россию. На рисунке показаны и другие страны (как Антанты, так и Тройственного союза), в ужасе убегающие из «большевицкой парикмахерской». В остальных работах Дарлинга постоянно проводится мысль о возможности переноса революции из России в другие страны [1].

Американское общество пристально следило за ходом революции в России. И если сначала была надежда на то, что она пойдет по американскому – демократическому пути развития, то с ходом революции эта надежда рушилась. Как идеология большевизма, для США это «варварские методы власти», и пути достижения этой власти соответствующие. Уже в ноябре 1917 года карикатуристы, актуализируя демонический образ России, проводили мысль, что «большевизм – это варварство». Однако существование в ноябре-декабре 1917 года сразу трех образов России и революции в карикатурах США показывает, насколько разнообразно воспринимались события октября 1917 года. Выработать единую линию оценки Русской революции художники и журналисты США сразу не смогли. Объединяет все три образа одна эмоция – страх перед новой властью в России, страх перед «большевицкой опасностью», который очень быстро трансформируется в страх перед «красной угрозой».

Список литературы

1. Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
2. Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Конструирование образа России в Американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Т. 1. М., 2008.
3. Chicago Tribune. 1917. November 9.
4. Editorial Cartoons of J. N. "Ding" Darling // University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. 1917.
5. NARA. RG: 46. Berryman Political Cartoon Collection. Box 5.
6. Pittsburgh Press. 1917. December 15.
7. Pittsburgh Press. 1917. December 18.
8. Pittsburgh Press. 1917. December 21.
9. Pittsburgh Press. 1917. December 26.
10. Pittsburgh Press. 1917. November 16.
11. Pittsburgh Press. 1917. November 22.
12. Pittsburgh Press. 1917. November 28.
13. Youngstown Vindicator. 1917. November 12.
14. Youngstown Vindicator. 1917. November 13.

Cartoons of the United States and the revolution in Russia: November–December 1917

S. O. Buranok¹, A. V. Sokolova²

¹Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-Pedagogical University.

Russia, Samara. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²master student of the faculty of history, Samara State Socio-Pedagogical University.

Russia, Samara. E-mail: sokolova.a@spspu.ru

Abstract. The article is devoted to such a problem as the formation of the image of the revolution in Russia in American cartoons. The article analyzes several main images used by journalists of that time to build certain ideas about Russia in the minds of American readers. The peak of the famine became a turning point in the

formation of ideas about Russia, when a new image – the image of the victim-began to be actively built together with the already formed images. It is studied on what material the new image develops and is fixed. Using the example of the difficult situation in Soviet Russia, the American press covertly shows the advantages of the American way of life and political system, while at the same time describing in detail the US assistance to a distant country. During this period, the positive image of Americans about themselves is strengthened, that is, the role of Russia as the constituent "Other" is consolidated. Questions about the prospects of the "Bolshevik danger" after the Great War, the forms and ways of its transition to the post-war century, and about US foreign policy in Europe were very popular and quite debatable for American public opinion during the First World War and the interwar period. The results of the press analysis show a change in priority in the image of the "Bolshevik danger" in American public discourse in 1917–1918. Research of "figurative" issues in the conditions of the end of the First World War is impossible without the involvement of the press created by participants in these processes. The study of the US press will provide an opportunity to more deeply and specifically highlight American ideas about practical approaches to international relations in the context of the transformation of the world order after the First World War. Analysis of the press has shown that during 1917–1918, the American public discourse was changing the priority approaches to the image of Russia.

Keywords: US press, public opinion, revolution, Bolsheviks.

References

1. Ganelin R. Sh. *Rossiya i SShA. 1914–1917: Ocherki istorii russko-amerikanskih otnoshenij* [Russia and the USA. 1914–1917: Essays on the history of Russian-American relations]. L. 1969.
2. Zhuravleva V. I., Foglesong D. S. *Konstruirovaniye obraza Rossii v Amerikanskoj politicheskoy karikature XX veka* [Constructing the image of Russia in the American political caricature of the XX century] // *Mify i realii amerikanskoj istorii v periodike XVIII–XX vv* – Myths and realities of American history in periodicals of the XVIII–XX centuries. Vol. 1. M. 2008.
3. Chicago Tribune. 1917. November 9.
4. Editorial cartoons by J. N. "Ding" Darling // University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. 1917.
5. NARA. RG: 46. Berryman Political Cartoons Collection. Box 5.
6. Pittsburgh Press. 1917. December 15.
7. Pittsburgh Press. 1917. December 18.
8. Pittsburgh Press. 1917. December 21.
9. Pittsburgh Press. 1917. December 26.
10. Pittsburgh Press. 1917. November 16.
11. Pittsburgh Press. 1917. November 22.
12. Pittsburgh Press. 1917. November 28.
13. Youngstown Vindicator. 1917. November 12.
14. Youngstown Vindicator. 1917. November 13.